

касатокъ, бобровъ, китовъ подлѣ самага нашего судна плавающихъ и играющихъ довольно насмотрѣлись. Звѣрки небольшіе, сажень ѣ по 15, да голова сажень 5" (Валаамскій м. 126).

А. ЛѢТОВЪ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Протоіерей Іоаннъ Григорьевичъ Наумовичъ, просвѣтитель Галицкой Руси.

(Род. 14 января 1826 г. † 4 августа 1891 г.).

(Биографическій очеркъ).

16 сентября сего года въ г. Кіевѣ на могилѣ о. протоіерея Іоанна Григорьевича Наумовича, на православномъ кладбищѣ Николаевскаго монастыря (на Аскольдовой могилѣ), пошеченіемъ его почитателей воздвигается памятникъ сему незабвенному пастырю, просвѣтителю Галицкой Руси.

Мѣсто вѣчнаго упокоенія неутомимаго борца за православіе и русскую народность въ зарубежной Руси, благоговѣно посѣщаемое русскими паломниками изъ Галичины, Буковины и Венгрии, доселѣ не было обозначено достойнымъ почившаго великаго труженика памятникомъ. Мысль о сооруженіи памятника І. Г. Наумовичу принадлежитъ досточтимому предсѣдателю С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, графу Н. П. Игнатьеву. Заявивъ объ этомъ въ торжественномъ собраніи Общества 14 февраля сего года, графъ Игнатьевъ вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ собранію принять участіе въ подпискѣ на сооруженіе памятника о. Іоанну, почетному члену Славянскаго Общества, и на этотъ предметъ собрано было 300 руб. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы не откладывать дѣла на долгое, быть можетъ, время, за недостаткомъ средствъ, графъ Н. П. Игнатьевъ обратился съ ходатайствомъ къ г. Министру Финансовъ объ оказаніи Славянскому Обществу пособія въ этомъ патріотическомъ дѣлѣ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу тайнаго совѣтника Витте, Всемилостивѣйше соизволилъ на выдачу Славянскому Обществу пособія въ 900 руб.

для сооруженія въ Кіевѣ памятника на могилѣ о. І. Наумовича.

Проектъ памятника, выработанный въ Кіевѣ, былъ одобренъ Совѣтомъ С.-Петербургскаго Славянскаго Общества, и на сооруженіе его препровождены были въ Кіевъ 1,300 руб. предсѣдателю мѣстнаго Славянскаго Общества И. И. Рахманинову, подъ руководствомъ котораго и воздвигнутъ лабрадорный памятникъ о. Іоанну съ соотвѣственными на немъ надписями. На лицевой сторонѣ памятника начертано русскими буквами:

Гонимому на родинѣ,
принятому въ родной Россіи,
печальнику Галицкой Руси,
о. протоіерею Іоанну Григорьевичу
Наумовичу.

На противоположной сторонѣ памятника начертано по славянски:

Грѣшихъ твоѣ дѣла, ѣ любѣлю,
ѣ слѣжу, ѣ вѣрѣю, ѣ терпѣніе
твоѣ, ѣ дѣла твоѣ, ѣ послѣдняя
больша перьбухъ.

Іоан. б, ѣ, і.

На правой сторонѣ памятника по славянски же:

Чацца люда, не любилъ
слаболъ, ниже азъколю,
но дѣломъ ѣ истиню.

Іоан. а, г, ѣ.

На лѣвой сторонѣ памятника тоже по славянски:

Блѣжени изгнани прѣбды радн:
ѣко тѣхъ ѣсть црѣвѣ нѣноѣ.
Иач. д. б, і.

Три года минуло со времени кончины славнаго борца за православіе и народность Руси Галицкой, но доселѣ полной біографіи его еще не появилось. Да и не настало еще время. Личность о. Іоанна Наумовича настолько крупная, пастырскіе, писательскіе и прочіе народно-просвѣтительные труды его въ теченіе свѣтлѣ

40 лѣтъ его священства столь разнообразны, сношенія его за границей и въ Россіи (въ послѣднія десять лѣтъ) такъ обширны, что потребуются еще много лѣтъ для собиранія необходимыхъ для его біографіи матеріаловъ и приведенія въ извѣстность и въ одно собраніе всѣхъ его сочиненій, особенно обширной его переписки, опубликованіе которой въ настоящее время по многимъ причинамъ еще невозможно. Но и теперь уже можно и должно почтить память его изображеніемъ главнѣйшихъ чертъ его въ высшей степени замѣчательной и назидательной жизни и дѣятельности. Не останавливаясь на біографическихъ подробностяхъ, которыя отчасти уже собраны въ нѣсколькихъ общедоступныхъ изданіяхъ *), попытаемся представить въ краткомъ очеркѣ его заслуги и указать значеніе многолѣтней его дѣятельности.

Историческое значеніе о. Іоанна Наумовича можетъ быть надлежаще выяснено въ послѣдствіи только въ тѣсной связи съ исторіей и современнымъ ему политическимъ и общественнымъ положеніемъ его многострадальной родины—Галицкой Руси. Галицко-Володимірская Русь, послѣ свѣтлыхъ временъ Владиміра, Ярослава, Романа, Данила и другихъ князей русскихъ, со смертію послѣдняго галицко-русскаго независимаго князя Юрія Андреевича, послѣдовавшей въ 1336 году, вскорѣ утратила свою политическую независимость и подпала иноземному польскому владычеству. При первомъ раздѣлѣ Польши, въ 1772 году, она досталась Австріи. Подъ

*) Болѣе подробныя свѣдѣнія „О жизни и трудахъ протоіерея Наумовича“ изложены А. Д. Давидовичемъ въ предисловіи къ исторической повѣсти о. Іоанна подъ заглавіемъ: „Завѣтныя три липы“ (Москва, 1894 года, цѣна 20 коп.), въ изданіи для народа: „Приходская бібліотека“, подъ ред. В. И. Шемякина; затѣмъ можно указать обстоятельный очеркъ священника І. Соловьева „О протоіерей Іоаннъ Григорьевичъ Наумовичъ“ (Москва 1893 г., стр. 45, ц. 50 к.) и некрологъ, изданный редакціей „Церковныхъ Вѣдомостей“: „Памяти протоіерея Іоанна Наумовича“ (С.-Петербургъ 1891 г. 16 стр. ц. 5 коп.) съ его портретомъ. Къ настоящей статьѣ прилагается портретъ о. Іоанна, исполненный съ большою отчетливостію и сходствомъ съ фотографіей, имѣющейся у В. К. Саблера и снятой въ бытность о. Іоанна въ С.-Петербургѣ.

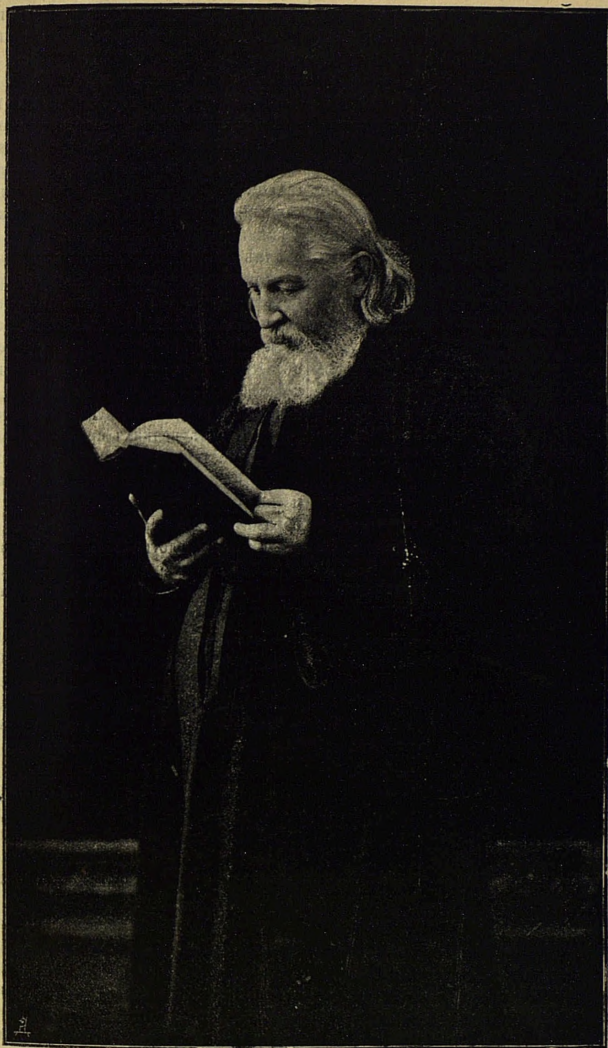
давленіемъ папства и іезуитовъ, русскіе галичане въ 1700 году формально приняли унию. Вѣка иноземнаго господства отторгли Галицкую Русь отъ общенія съ Россією, поработили ее духовно и матеріально полякамъ и вздѣлѣянными ими евреями. Высшіе классы русскаго общества измѣнили своей народности, ополячились и окатоличились, и на Руси Галицкой остались только «попъ» да «хлопъ»—бѣдное и безъ образованія духовенство и простой народъ, угнетаемый тяжелымъ крѣпостнымъ рабствомъ у польскихъ пановъ. Исторія галицко-русскаго народа подъ вѣковымъ польскимъ гнетомъ полна трагизма, и нужно удивляться, что онъ вновь воспрянулъ къ жизни. Возрожденіе его относится не далѣе, какъ къ 40-мъ годамъ нынѣшняго столѣтія. 1848-й годъ, ознаменованный въ Австріи пробужденіемъ національнаго чувства среди населяющихъ ее народностей, имѣлъ важное значеніе и въ жизни русскихъ галичанъ. Они освободились тогда на нѣкоторое время отъ польскаго гнета и, подъ непосредственнымъ управленіемъ нѣмцевъ, пробудились отъ вѣковаго сна и стали приходить къ сознанию своей національной самобытности и отдѣльности отъ Польши. Во главѣ національнаго движенія стало галицко-русское духовенство,—естественные и единственные въ то время образованные представители народа и его печальники.

Рукоположенный во священника въ Городокскій приходъ близъ Львова въ 1851 г., о. Іоаннъ Наумовичъ вступилъ въ общественную дѣятельность какъ разъ въ то время, когда на Руси Галицкой нѣдало оживляться русское самосознаніе. Юные же годы его прошли среди великихъ лишеній и внѣ благотѣльнаго вліянія одушевляющей народной идеи. Сынъ бѣднаго сельскаго учителя въ мѣстечкѣ Бужскѣ, онъ возросъ въ семьѣ уже довольно ополяченной: мальчикъ ходилъ даже въ польскій костель прислуживать ксендзу при совершеніи мессы и твердилъ непонятныя слова латинскихъ молитвъ, бессмысленно искажая ихъ, напр.: себли барана смали (sed libera nos a malo — «но избави насъ отъ лукаваго»), въ школь учился тоже по-

польски, въ гимназіи содержался уроками въ католическихъ и даже еврейскихъ семьяхъ, проживалъ одно время для пропитанія въ семействѣ польской графини католички (Мѣръ) вмѣстѣ съ дворней, среди іезуитскихъ вліяній, испыталъ всѣ виды лишеній, пока не поступилъ въ Львовскую духовную семинарію (1844 г.), но чрезъ четыре года долженъ былъ ее оставить, увлеченный польскимъ революціоннымъ движеніемъ 1848 года вмѣстѣ съ другими семинаристами. Къ тому времени русское національное сознаніе въ Галиціи было еще весьма слабо развито, польское воспитаніе и образованіе сказывалось сильно и на русской молодежи, и молодой Наумовичъ естественно увлекся польскими возгласами о независимости «ойчизны» и свободѣ. Можно было опасаться, что изъ него выйдетъ «паньчъ»—рenegатъ, или, въ лучшемъ случаѣ, полякующій русскій, какихъ было много въ то время, не мало ихъ и нынѣ, еслибы обстоятельства не свели его ближе съ русскимъ народомъ, и не отрезвило его ближайшее соприкосновеніе съ русской народной жизнью. Самъ о. Наумовичъ впоследствии съ благодарностью рассказывалъ, какъ вразумили его отъ привитыхъ воспитаніемъ польскихъ увлеченій простые малорусскіе крестьяне, когда онъ пріѣхалъ лѣтомъ на каникулы къ своимъ родителямъ въ Залѣщики, и внушительно объяснили ему, что Русь не Польша, сбросивъ съ его головы польскую конфедератку, какія носили поляки во время революціи 1848 года. Этотъ урокъ не прошелъ безслѣдно, а слѣдующіе за тѣмъ два года, проведенные имъ въ деревнѣ, въ селѣчѣ Верхобужьѣ, домашнимъ учителемъ у мѣстнаго сельскаго священника, сблизили его съ простымъ русскимъ народомъ, дали ему возможность хорошо изучить народный языкъ, которымъ онъ раньше пренебрегалъ, и наглядно убѣдиться, что Русь—не Польша. Въ своихъ воспоминаніяхъ о. Наумовичъ сообщаетъ, что живя здѣсь въ семьѣ сельскаго священника, одѣвшись въ простую полотняшку, онъ «все свободное отъ учебныхъ занятій время проводилъ среди народа, узнавалъ народную жизнь и по-

нялъ, какое это было безуміе повторять вмѣстѣ съ польскими мечтателями, что Русь и Польша—одно и то же». Не безъ вліянія на развитіе въ немъ общерусскаго сознанія было и случайное знакомство его въ 1849 году, съ русскими войсками, проходившими чрезъ Верхобужье въ Венгрію на усмиреніе мадьяръ. Верхобужскіе крестьяне доставляли нашимъ офицерамъ и солдатамъ провіантъ въ Сасово, гдѣ бывалъ и Наумовичъ и къ удивленію своему нашелъ, что «москаль» не такія страшныя пугала, какими изображали ихъ поляки. «Онѣ молились, постились, даже генералы, полковники и высшіе офицеры соблюдали посты, чего мы никогда не видали между австрійскимъ военнымъ начальствомъ,—замѣчаетъ Наумовичъ,—а по разговорамъ съ ними было видно, что они весьма добродушные и открытые люди».—Въ 1850 году Наумовичъ вновь былъ принятъ въ семинарію для окончанія курса, а въ слѣдующемъ 1851 году женился и былъ рукоположенъ во священника въ приходъ Городокъ, близъ Львова.

Двадцать лѣтъ неутомимой и примѣрной пастырской дѣятельности о. Іоанна въ четырехъ послѣдовательно приходяхъ (Городокъ, Ляшки Королевскіе, Перемшляны и Стрѣльчѣ) протекли прежде, чѣмъ онъ приступилъ къ главному подвигу своей жизни—изданію популярнаго народнаго журнала «Наука», предпринятаго имъ въ 1871 году, въ бытность его священникомъ въ Стрѣльчѣ, и снискавшего ему почетное имя просвѣтителя Галицкой Руси. Эти двадцать лѣтъ неустаннаго одушевленнаго труда на благо народа были не только временемъ самовоспитанія, но и плодотворнѣйшаго народнаго учительства. Близкое соприкосновеніе съ народомъ не оставило въ немъ и слѣдовъ его школьныхъ увлеченій польскими мечтаніями. Весьма даровитый и впечатлительный отъ природы, о. Наумовичъ на самыхъ первыхъ порахъ своей пастырской дѣятельности, въ должности помощника настоятеля, поступилъ подъ благодѣтельное вліяніе опытнаго пастыря, своего настоятеля и благочиннаго, который, по отзыву о. Іоанна, былъ

Протоіерей Іоаннъ Григорьевичъ
НАУМОВИЧЪ.

«мужъ большихъ дарованій и священникъ въ истинномъ значеніи этого слова, законоучитель и проповѣдникъ, какихъ мало, а сверхъ того великій русскій народолюбецъ». Неизвѣстны намъ подробности того пути, какимъ шло его нравственное внутреннее перерожденіе изъ полякующаго паньча въ стойкаго и убѣжденнаго русскаго патриота. Небогаты эти двадцать лѣтъ и внѣшними средствами его жизни. Но богаты они неустаннымъ трудомъ, горячею ревностью о благѣ народа, его просвѣщеніи и поднятій его бѣдственнаго матеріальнаго быта. Съ глубокимъ вниманіемъ относясь къ своимъ пастырскимъ обязанностямъ, онъ истово и неопустительно совершалъ богослуженіе строго по церковному чину, по богослужебнымъ книгамъ православной Церкви, отметая всѣ новшества, введенныя въ уніатскіе требники. Глубокое изученіе уніи галицко-русской церкви раскрыло для него съ очевидностью, что богослужебный греческій обрядъ уніатской церкви, обезпеченный галицко-русскому народу условіями уніи и папскими буллами, во многомъ былъ искаженъ произволомъ однихъ и насиліемъ другихъ, и въ своей пастырской практикѣ о. Іоаннъ съ настойчивостью и послѣдовательностью, не взирая на доносы и прещенія уніатской церковной власти, повсюду, гдѣ онъ священствовалъ, трудился надъ очищеніемъ обряда, устраняя изъ него мало по малу все, что привнесла въ православный обрядъ уніа, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе сближавшая православный обрядъ съ католическимъ. Вмѣстѣ съ другими дѣятелями возрожденія своего народа, о. Наумовичъ пришелъ къ убѣжденію и горячо его развивалъ и доказывалъ, что уніа—это мостъ къ олатиненію русской церкви въ Галичинѣ, и всѣми силами души своей ратовалъ за «святое православіе своихъ предковъ». Такія рѣчи и дѣйствія отца Іоанна встрѣчали повсюду, гдѣ онъ священствовалъ, весьма воспримчивую почву въ народѣ, въ которомъ жило и доселѣ еще живеть, хотя и довольно смутное, сознаніе о томъ, что правая, истовая вѣра — восточная православная, что недалеко, за рубежомъ — въ сосѣдней великой Россіи, на горахъ По-

чаева и Кіева, она сияеть и свѣтитъ своимъ благодатнымъ блескомъ и неискаженной исконной чистотой и величіемъ. Тѣ же рѣчи и тѣ же дѣйствія, направленные къ очищенію уніатскаго обряда отъ латинскихъ примѣсей, вызывали вражду и гоненіе на него враговъ православія, польскихъ иезуитовъ и ихъ прислѣшниковъ.

Глубоко вѣрно понималъ о. Іоаннъ, что галицко-русскій народъ, забитый и угнетенный въ вѣковомъ рабствѣ, экономически поработенный всевластному въ Галичинѣ еврейству, никогда не добьется равноправности съ польскимъ народомъ, меньшимъ по численности, но руководимымъ богатыми и образованными классами, хотя эта равноправность и существуетъ съ 1866 года на бумагѣ на основаніи конституціи,—если простой народъ будетъ коснѣть въ невѣжествѣ, безъ всякаго образованія, безъ всякихъ средствъ борьбы за свое самостоятельное народное существованіе. Если не поднять народъ умственно и матеріально, то Галицкая Русь безъ образованнаго класса, бѣдная и нищая, въ вѣкъ господства капитализма и права сильнаго, погибнетъ и сдѣлается лишь этнографическимъ матеріаломъ, на которомъ господствующая народность будетъ возстановлять и воскресить былую Польшу. Одно спасеніе—въ подъемѣ русскаго народнаго сознанія и чувства путемъ оживленія церковной жизни и просвѣщенія на истинно народныхъ началахъ, неустаннаго труда, и какъ перваго шага къ тому—народнаго отрезвленія. «Молися, трудися, учися, трезвися»—постоянно и неустанно твердилъ о. Іоаннъ народу и въ церкви, и въ школѣ, и дома и въ народныхъ собраніяхъ, и устно, и письменно, и это наставленіе избралъ девизомъ своей знаменитой «Науки».

Благочестивый и набожный семьянинъ, онъ служилъ живымъ примѣромъ преданности и покорности волѣ Божіей для своихъ прихожанъ и имѣлъ глубокое на нихъ вліяніе, служа для нихъ руководителемъ не только въ ихъ духовной жизни, но и въ мірской, общественной. Облеченный народнымъ довѣріемъ, онъ былъ избираемъ депутатомъ и въ Львовскій сеймъ и въ

Вѣнскій парламентъ, гдѣ стойко защищалъ права народа, предоставленныя ему на бумагѣ конституціей, но на практикѣ постоянно попраемыя и непризнаваемыя господствующею въ край польскою народностью.

Вліяніе о. Іоанна на прихожанъ было тѣмъ дѣйственнѣе и неотразимѣе, что онъ служилъ для нихъ живымъ образцомъ трудолюбія, умѣренности, настойчивости въ достиженіи цѣли. Благочестіе, трудъ, грамотность, трезвость—поучалъ о. Іоаннъ—единственные якори спасенія для галицко-русскаго крестьянина, безправнаго и угнетеннаго. Внушая съ покорностію терпѣть тяжелую долю и всѣ невзгоды жизни, приходскій пастырь горячо убѣждалъ народъ прежде всего бросить пьянство, освободиться отъ рабства еврейской корчмы, давать зарюки трезвости съ клятвою предъ святымъ крестомъ и Евангеліемъ, соединяясь въ общества трезвости, учиться грамотѣ и заводить народныя читальни, улучшать свое хозяйство. Самъ образцовый сельскій хозяинъ, любитель природы, поэтизировавшій жизнь сельскаго хозяина: «хлѣбороба» (земледѣльца), замѣчательный насѣчникъ, знатокъ и любитель пчеловодства, въ которомъ собственнымъ многолѣтнимъ опытомъ прицѣлъ къ полезнымъ усовершенствованіямъ и нововведеніямъ, о. Іоаннъ входилъ въ нужды крестьянъ, помогалъ имъ своими совѣтами и опытными указаніями—какъ пахать и обрабатывать землю, осушать канавами болотистыя мѣста, засѣвать поля лучшими кормовыми травами, заводить сады и огороды, разводить полезные овощи; снабжалъ ихъ лучшими сортами сѣмянъ, указывалъ, откуда пріобрѣтать лучшія земледѣльческія орудія, а грамотнымъ давалъ читать книжки, гдѣ можно найти полезныя свѣдѣнія по сельскому хозяйству, а такъ какъ доступныхъ и хорошихъ книжекъ въ то время на рускомъ языкѣ не было, то и самъ составлялъ и издавалъ ихъ. Онъ постоянно внушалъ народу, что только знаніе и усовершенствованный трудъ земледѣльца можетъ поднять его благосостояніе и поставить его на ноги, только этимъ путемъ неустаннаго труда надъ самоусовер-

шенствованіемъ можетъ галицко-русскій крестьянинъ добиться принадлежащихъ ему правъ на родной землѣ. Этимъ постояннымъ руководительствомъ народа въ сельско-хозяйственной и экономической области опытный пастырь располагалъ его къ себѣ и достигалъ того, что и пастырское его руководство въ духовной жизни и въ области гражданскихъ и политическихъ отношеній (тамъ народъ участвуетъ до нѣкоторой степени и въ политикѣ, подавая голоса на выборахъ депутатовъ въ областной сеймъ и парламентъ) воспринималось съ полнымъ довѣріемъ, и паства во всемъ шла за своимъ любимымъ пастыремъ. Объ этомъ онъ самъ говоритъ въ повѣсти «Отецъ Теодоръ», устами этого священника, въ которомъ нельзя не узнать самого автора: «природа сблизила меня и тѣснѣе связала съ моими прихожанами; видя у меня все лучшее, они приходили просить моего совѣта, и я охотно совѣтывалъ, отдавалъ имъ самыя лучшія сѣмена, готовилъ прививки, училъ прививать, очковать, дружить (копулировать). Для меня не было большаго утѣшенія, какъ видѣть вездѣ плодъ моего ученія и труда. Посмотрите только, сколько клевера уже сѣютъ мои прихожане, а есть у нихъ и люцерна, и эспарцетъ. Когда я назначенъ былъ сюда священникомъ, въ цѣломъ нашемъ приходѣ не было у крестьянъ ни одной хорошей штуки скотинки—все мелюзга, самой худшей породы. Посмотрите теперь, какая у насъ порода скота! Тогда не было нигдѣ ни одного фруктоваго дерева, теперь сплошь и рядомъ сады!... Долго я боролся съ невѣжествомъ и косностию прихожанъ, но со временемъ поборолъ всѣ ихъ суевѣрія и недовѣрчивость ко мнѣ; теперь они мои—слушаютъ меня во всемъ, какъ послушныя дѣти... Я работалъ, промышлялъ, добывалъ изъ земли мой хлѣбъ, но я и училъ, непрестанно училъ въ церкви слову Божію и Христовой истинѣ, указующей путь къ вѣчному спасенію—и въ полѣ, и на дугу, и вездѣ я училъ, какъ добыть и умножить насущный хлѣбъ, не пьянствовать, не воровать, а жить въ страхѣ Божіемъ, праведно, честно, благочестиво и разумно наслаждаться

жизнью. А теперь они даютъ мнѣ и за-
требы охотно, потому что имѣють, что
дать... Прежде крестьяне неохотно шли
въ церковь, а теперь она биткомъ набита.
Пьянство прекратилось, они стали несра-
венно нравственнѣе, а по избамъ и въ
хозяйствѣ завели чистоту и порядокъ...
Теперь нѣмцы какую-то штунду завели,
но посмотрѣлъ бы я, какъ бы они завели
ее въ моемъ приходѣ»...

Всѣ стороны пастырской дѣятельности
были одинаково близки сердцу добраго па-
стыря: съ равнымъ вниманіемъ и любовью
о. Іоаннъ трудился неустанно надъ цер-
ковнымъ и школьнымъ учительствомъ, былъ
исполнительнѣйшимъ требоисправителемъ,
и въ то же время прекраснымъ сельскимъ
хозяйномъ и образцовымъ семьяниномъ.
Обладая выдающимися дарованіями, ду-
шой отзывчивой и воспримчивой, способ-
ной къ поэтическому творчеству, харак-
теромъ мягкимъ и кроткимъ, онъ совсѣмъ
не былъ тѣмъ, что называютъ «человѣ-
комъ-практикомъ», и широко развитая
имъ пастырская и впоследствии литера-
турная дѣятельность, о которой будетъ
рѣчь ниже, можетъ быть объяснена, кромѣ
рѣдкихъ дарованій, неустаннымъ трудомъ
умственнымъ—и прежде всего надъ само-
образованиемъ и самовоспитаніемъ. *Nulla
dies sine linea*—было его девизомъ, ко-
торому остался вѣренъ о. Іоаннъ до сво-
ей кончины. Онъ неустанно и съ рѣд-
кою любовью предавался самому разно-
образному чтенію и былъ вполне обра-
зованнымъ человѣкомъ. Ежедневное и
обязательное чтеніе Библіи было для не-
го закономъ; особенно любимыми книгами
его были Псалтирь, Притчи Соломоновы
и Книга Іисуса сына Сирахова; близкое
знакомство, можно сказать, духовное его
родство съ ними впоследствии ярко обна-
ружились въ многочисленныхъ его пи-
саніяхъ для народа. Затѣмъ онъ глу-
боко изучилъ не умомъ только, но и серд-
цемъ историческія судьбы злополучной
своей родины, исторію православія и уніи
въ краѣ и съ замѣчательною ясностью и
живостью возсоздалъ въ своемъ сознаніи
идеальное воссоединеніе галицкой вѣтви рус-
скаго народа съ Матерью Русью право-

славною, въ общенія и единенія съ
которою, по его глубокому убѣжденію,
раздѣляемому и всѣми лучшими людьми
его родины, нѣтъ будущности для зару-
бежной Малой Руси... Съ болѣшимъ за-
пасомъ пастырскаго и житейскаго опыта,
съ высокимъ одушевленіемъ послужить во
благо не только своей паствы, но и всего
галицко-русскаго народа, съ глубокимъ
убѣжденіемъ, приобрѣтеннымъ горькимъ
опытомъ, въ бесплодности какихъ либо
политическихъ комбинацій для успѣшнаго
развитія русской народности въ краѣ
безъ предварительнаго подъема народа
путемъ образованія и воспитанія въ обще-
русскомъ духѣ, о. Іоаннъ Наумовичъ, ровно
черезъ двадцать лѣтъ пастырской дѣ-
тельности и послѣ нѣсколькихъ литера-
турныхъ опытовъ *), въ 1871 году пред-
принимаетъ періодическое изданіе для
народа подъ названіемъ «Наука». Для
того, кто знакомъ съ «Наукой» Наумо-
вича почти за 20 лѣтъ ея изданія—од-
нимъ этимъ названіемъ уже все сказано:
въ ней «о. Иванъ», какъ называютъ его
галичане, высказался весь, во всемъ объ-
емѣ своихъ дарованій и великихъ заслугъ
для своего народа, и этого знакомства съ
его любимымъ дѣтищемъ было бы до-
статочно, чтобы узнать и оцѣнить На-
умовича. Но у насъ, въ Россіи, очень
мало людей, читавшихъ «Науку», особен-
но за первыя 12—15 лѣтъ, когда она,
можно сказать, всецѣло составлялась едино-
лично ея редакторомъ-издателемъ. Изда-
ніе «Науки»—лучшее и плодотворнѣй-
шее время жизни о. Іоанна, содержаніе
ея—сокровищница его просвѣщеннаго ума
и познаній, благороднаго, горячо бывшаго-
ся за несчастную родину сердца и вдох-
новеннаго творчества его поэтической
души.

Небольшія мѣсячныя книжки «Науки»
начали появляться съ 1871 года, въ
уѣздномъ маленькомъ городѣ Коломыѣ, въ
Восточной Галичинѣ, когда о. Іоаннъ былъ
приходскимъ священникомъ еще въ селѣ

*) Еще въ 1861 году онъ издалъ книжку рас-
сказовъ и стихотвореній подъ заглавіемъ: «Повѣ-
сти и пѣсни Ивана Наумовича».

Стрѣльчѣ, а въ послѣдствіи во Львовѣ. Онѣ сразу привлекли къ нему вниманіе всѣхъ друзей народа. Это было нѣчто необычайное и по содержанію, и по языку, и чѣмъ дальше, тѣмъ лучше. Все, что считалъ о. Іоаннъ нужнымъ и полезнымъ для народа, все, чему училъ онъ въ теченіе двадцати лѣтъ своего пастырства окружавшихъ его поселянъ, нашло здѣсь наилучшее выраженіе. Это была образцовая энциклопедія не только для образованія, но главнѣйше для воспитанія народа во тѣхъ понятіяхъ, чувствахъ и направленіи, какія вытекали изъ основъ народнаго духа и историческихъ его судьбъ.

Съ внѣшней стороны — это былъ популярный журналъ со многими разнообразными отдѣлами, съ нравственно-назидательнымъ во главѣ, и со многими рисунками. Непремѣнно въ каждой книжкѣ послѣдовательно печатались книги Священнаго Писанія на славянскомъ языкѣ, преимущественно учительныя книги Ветхаго и Новаго Заветѣа, иногда съ буквальнымъ переводомъ и непременно съ толкованіями. Эти толкованія — высокій и трудно подражаемый образецъ изъясненія Писанія *для народа*. Чуждыя сухости и погони за педагогической полнотой изъясненія каждаго слова, каждой фразы, они представляютъ живую, связанную бесѣду въ послѣдовательности священнаго текста, бесѣду простую, полную глубокой жизненной правды, знанія человеческого сердца и того, что ему на потребу. Съ рѣдкимъ умѣньемъ выдѣляя одну—двѣ существенныя мысли, толковникъ сильно и выразительно, то въ образахъ и примѣрахъ, то въ горячихъ воззваніяхъ и прещеніяхъ, видѣруетъ ихъ властно въ сознаніе читателя или слушателя. Ничего отвлеченнаго, отдаленнаго, искусственнаго — все прямо направлено къ сердцу и чувству читателя, къ его непремѣнному и неотразимому назиданію. И это слово назиданія всегда выражено съ такой сердечностью и искренностью, что легко западаетъ въ сердце и простеца, и просвѣщеннаго, начитаннаго и неуча. Таковы же толкованія

богослужебныхъ пѣснопѣній, священныхъ дѣйствій, христіанскихъ праздниковъ, житій святыхъ. Умѣнье приспособляться къ пониманію и потребностямъ читателя-селянина, едва грамотнаго — замѣчательное. Бесѣду съ народомъ о Писаніи, пастырь вмѣстѣ и толкуетъ, и толкуя бесѣдуетъ. Среди послѣдовательнаго объясненія онъ не затрудняется обратиться въ вопрошающаго, и истолковательная рѣчь бесѣдника переходитъ въ разговорную и обратно. Ничего нѣтъ предвзятаго и однообразнаго. При этомъ всѣ толкованія — на основѣ православной святоотеческой. Одинъ изъ біографовъ о. Наумовича, почтенный православный пастырь, замѣчаетъ, что правоучительныя толкованія «Науки» безусловно могутъ занять видное мѣсто въ нашей проповѣднической *истолковательной богословской литературѣ* *); такъ они основательны, при всѣхъ другихъ неподражаемыхъ ихъ достоинствахъ.

Кромѣ истолкованія Священнаго Писанія, въ «Наукѣ» помѣщались краткія извлеченія изъ святоотеческихъ твореній, особенно изъ Іоанна Златоустаго, статьи церковно-историческія, преимущественно по русской церковной исторіи, житія святыхъ, поученія — все это подъ общимъ наименованіемъ «Богочестія». Читая статьи этого рода, нельзя не удивляться умѣнью избирать изъ обширной области вѣроученія и правоученія самое необходимое народу — младенцу въ вѣрѣ, и излагать съ выразительною краткостью и ясностью, живостью и образностью, которыя неотразимо должны запечатлѣться въ умѣ хотя и непросвѣщенномъ, но склоненномъ въ послушаніе вѣры. И въ этомъ выборѣ предмета бесѣды, и въ самомъ способѣ его раскрытія видѣнь не только ревнующій о своихъ духовныхъ чадахъ пастырь, но и писатель художникъ, съ тонкимъ чувствомъ мѣры и вѣса преподающій духовную пищу жаждущимъ духовнаго просвѣщенія.

Всѣ статьи духовно-нравственнаго и

*) Священникъ І. Соловьевъ, въ вышеуказанномъ его біографическомъ очеркѣ прот. І. Наумовича.

церковно-историческаго содержанія, направленные къ утверженію въ народѣ вѣры и благочестія, съ замѣчательнымъ искусствомъ подбирались и излагались такъ, чтобы внушить народу, что его «русская вѣра»—исконная святая православная вѣра, что русскій обрядъ уніатской церкви—греческій православный обрядъ, общій со всѣмъ православнымъ Востокомъ и колыбелью православія для Галицко-Володимірской Руси—Великою Россіею, что нѣкоторыя отличія въ обстановкѣ храма, въ порядкѣ богослуженныхъ дѣйствій—произвольно и незаконно введены въ практику уніатской церкви подъ давленіемъ католиковъ въ тяжкія времена иноплеменнаго господства и что очищеніе уніатскаго обряда, возстановленіе исконнаго на Галицкой Руси православія въ обрядѣ, обеспеченнаго уніею Галицко-русской Церкви—дѣло святое и богоугодное. Такія мысли и рѣчи были по душѣ народу, и онъ внималъ имъ тѣмъ съ большимъ сочувствіемъ, что крестьяне изъ восточной Галиціи сами имѣли возможность убѣждаться изъ посѣщеній недалекой Почаевской лавры въ справедливости словъ «отца Ивана».

Тѣмъ же направленіемъ проникнуты и къ той же цѣли сближенія съ Великою Россіею устремлены и всѣ статьи какъ обще-русскаго историческаго содержанія, такъ и статьи по русской этнографіи—о житиѣ бытѣ русскихъ людей въ разныхъ краяхъ необъятнаго русскаго міра: и въ Великой, и въ Бѣлой, и Малой Руси, и въ Галичинѣ и на Буковинѣ и въ Угорщинѣ—одинъ и тотъ же русскій народъ, одной и той же «русской вѣры» и русскаго языка, однихъ преданій, вышедшій изъ одной купели крещенія при святомъ Владимірѣ и нѣкогда жившій одною общерусскою жизнью. Прикровенно и съ большимъ искусствомъ по разнымъ поводамъ дается понять народу, что раздѣленные судьбою братья, дѣти одной Матери-Руси, Богъ дастъ, соединятся, придутъ и для Галицкой Руси тяжкія времена неволи и безправія, и весь русскій многомилліонный народъ едиными устами и единымъ сердцемъ будетъ славить Го-

спода, какъ это было въ стародавнія времена...

Особенно хорошо умѣлъ о. Іоаннъ объяснять и внушать народу всю несостоятельность и вздорность мечтаній той части галицко-русской интеллигенціи, которая въ новѣйшее время, отчасти подъ влияніемъ польскимъ, отчасти внимая рѣчамъ нашихъ украинофильскихъ агитаторовъ (Кулиша, Драгоманова и др.) начала развивать сепаратистическую теорію объ отдѣльномъ украинскомъ (малорусскомъ) 20-милліонномъ народѣ, къ которому-де принадлежатъ всѣ западныя и южныя губерніи Россіи до сѣвернаго Кавказа включительно, который съ нашимъ великорусскимъ народомъ, презрительно или называемымъ «москалями» или «кашапами», ничего общаго не имѣетъ, что будущею Руси, сила и слава ея въ грядущихъ вѣкахъ принадлежатъ не великорусскому племени, а казацкому, украинскому, къ которому-де принадлежатъ и вся Русь зарубежная. Вздорныя и несбыточныя мечтанія эти, безопасныя сами по себѣ, въ Галицкой Руси могли имѣть и имѣли то вредное дѣйствіе, что украинофильская партія, не ограничиваясь такъ сказать академическими разсужденіями объ особенностяхъ малорусскаго нарѣчія, которой нельзя отрицать, какъ и множество мѣстныхъ нарѣчій и говоровъ у всѣхъ великихъ народовъ, стала проводить эти идеи и на практикѣ, издавая книжки для народа отъ имени украинофильскихъ литературныхъ обществъ «Просвѣта» и «Общества имени Шевченки»—не на мѣстномъ народномъ нарѣчій, а на искусственно созданномъ галицкими народовцами—литераторами изъ смѣси литературнаго малорусскаго языка Шевченки и другихъ малорусскихъ писателей въ Россіи и мѣстныхъ галицкихъ говоровъ, и не только писать такія книжки—въ этомъ не было бы большой бѣды, такъ какъ народъ въ Галиціи этого искусственнаго языка не понимаетъ и не любитъ, предпочитая церковно-славянскія книги,—но и насильственно вводить особую азбуку, такъ называемую фонетическую, въ школы не только сред-

ніа, но и низшіа, при ревностномъ содѣйствіи мѣстнаго польскаго правительства, которому весьма сочувственно и желательно все, что разбѣсаетъ галицкихъ русскихъ съ Россією.

Но лучше и убѣдительнѣе всякихъ объясненій и разсужденій дѣйствовалъ на народъ тотъ языкъ, которымъ писалъ самъ о. Іоаннъ въ «Наукъ» и въ книжкахъ для народа. Это былъ не языкъ простонародья, невосдѣланный и нелитературный, притомъ чрезвычайно разнообразный по своимъ говорамъ въ разныхъ мѣстностяхъ Прикарпатя, — въ то же время это былъ и не искусственный языкъ украинофильскихъ писателей, непонятный народу, и не великорусскій чисто-литературный языкъ. Близко изучивъ народъ, его говоры, его бытъ и его сочувствія, онъ съ чутьемъ глубокаго наблюдателя замѣтилъ, что народъ, приведенный къ Церкви и ея восточному обряду, воспитанный подъ сѣнью Церкви, съ ея богослуженіемъ на церковномъ славянскомъ языкѣ, наиболѣе почитаетъ возвышенную рѣчь священныхъ книгъ и пѣснопѣвній, любитъ читать и слушать о божественномъ и ко всякой грамотѣ, какъ и нашъ великорусскій народъ, относится съ уваженіемъ, желая и ожидая найти въ ней всегда нѣчто высшее и идеальное въ сравненіи съ своей будничной суетной жизнью, а потому и самая рѣчь книжная, по народному пониманію, должна не унижаться до простонароднаго жаргона и поддѣлываться подъ народный говоръ, а возвышаться надъ нимъ строгою степенностью и чистотой стила, въ соотвѣтствіи съ тою высотой понятій и мыслей, какія народъ жаждетъ усвоить изъ книги, которая должна поучать его чему либо высшему и лучшему, чѣмъ онъ самъ знаетъ и понимаетъ. Исходя изъ такихъ вѣрныхъ психологическихъ соображеній и наблюденій, о. Іоаннъ Наумовичъ никогда не писалъ для народа мѣстнымъ говоромъ, а такъ какъ литературный языкъ въ Галицкой Руси не выработанъ, чисто-великорусскій же языкъ еще недоступенъ народу малограмотному и неначитанному, а на украинскомъ нарѣчій о. Іоаннъ и не могъ писать по своимъ убѣжденіямъ, да и не зналъ

его, особенно въ той искусственной его обработкѣ, какая дана ему галицкими украинофилами, то онъ *создалъ особый народно-литературный языкъ* — и это замѣчательный, общепризнанный фактъ, свидѣтельствующій прежде всего о творческомъ, художественномъ дарованіи Наумовича. И нужно сказать — языкъ прекрасный, вполне понятный каждому галицкому крестьянину и въ то же время въ основѣ и построеніи своемъ болѣе близкій къ общерусскому литературному языку, чѣмъ къ искусственному украинофильскому. Это плодъ духовнаго творчества на глубокихъ основахъ народнаго духа и быта. Читая галицко-русскіе повѣсти, рассказы или назидательныя статьи о. Іоанна и зная мѣстныя нарѣчія, которыми говорятъ лемки, бойки и гуцулы Прикарпатя, удивляешься этому обширному лексическому запасу словъ, этому умѣнию выбрать слово, которое, будучи мѣстнымъ въ одномъ какомъ либо изъ галицкихъ говоромъ, въ то же время встрѣчается или въ церковныхъ книгахъ, или общерусскомъ языкѣ, — этому мастерству разсказа совершенно въ духѣ народной рѣчи, но въ то же время и высоко литературному. Въ каждой фразѣ, въ каждомъ оборотѣ рѣчи видѣнъ художникъ слова, стоящій надъ народомъ, его учитель и просвѣтитель, поучающій въ уровень съ пониманіемъ народа, вполне ему понятный и доступный, но не спускающійся до раболѣпнаго подражанія его грубой и необработанной рѣчи, съ ея безсвязностью и отрывочностію въ построеніи и случайностію въ выраженіи, что такъ неприятно дѣйствуетъ въ сочинительствѣ нѣкоторыхъ нашихъ писателей-народниковъ, механически воспроизводящихъ неграмотную рѣчь заурядныхъ бабъ и мужиковъ. Чуждый всякой фальши и поддѣлки, народный языкъ Наумовича простъ, естественъ и степененъ, понятенъ народу и любимъ имъ. Понятно отсюда и *общенародное значеніе* языка Наумовича — онъ много содѣйствовалъ сближенію искусственнаго галицко-русскаго литературнаго языка, образовавшагося подъ сильнымъ влияніемъ польскаго, какъ съ мѣстнымъ народнымъ нарѣчьемъ, такъ въ особенности

съ обще-русскимъ литературнымъ языкомъ. Языкъ Наумовича—это мостъ, перекинутый изъ зарубежной Руси въ Русь Великую чрезъ искусственныя политическія преграды, подобно тому, какъ его церковныя статьи—такой же мостъ къ переходу изъ уни въ православіе. И это одна изъ главныхъ заслугъ о. Іоанна не только для своей ближайшей родины, но и для второго его духовнаго отечества—Россіи.

Да не подумаетъ, однако, читатель, что языкъ Наумовича, какъ созданіе искусственное, его личное достояніе, остался мертвымъ и не имѣетъ будущности. Въ томъ и достоинство его, и значеніе, что, какъ творческое произведеніе на основахъ народнаго духа и его исторіи, онъ имѣетъ всѣ условія жизнненности и истинной народности, что и удостовѣрено опытомъ. До Наумовича, можно сказать, въ Галиціи не было читателей изъ народа—онъ создалъ и читателей, и подражателей, и продолжателей, хотя не столь выдающихся по таланту, но твердо идущихъ по воздѣланному пути *). «Наука» Наумовича проникла въ самые захолустные уголки Прикарпатя. Ее читали и зачитывались ею не только мѣщанство, но и крестьянство. Пріохотилъ же къ чтенію полезныхъ книжекъ о. Іоаннъ больше всего своими назидательными *повѣстями*, печатавшимися какъ въ его журналѣ, такъ и отдѣльно. О повѣстяхъ Наумовича, слѣдуетъ сказать нѣсколько подробнѣе. Лучшія изъ нихъ имѣются въ переложеніи и на обще-литературный языкъ, таковы:

*) „Наука“ продолжаетъ издаваться и нынѣ въ Вѣнѣ подъ редакціею бывшаго постояннаго сотрудника о. Наумовича—Д. М. Козарищука, въ томъ же добромъ направленіи, и на языкѣ еще болѣе, чѣмъ при Наумовичѣ, сближенномъ съ нашимъ литературнымъ. Обаяніе имени о. Іоанна поддерживаетъ вниманіе и любовь народа къ „Наукѣ“ и при новой ея редакціи, свято чтущей память ея основателя и постоянно напоминающей народу о незабвенномъ его просвѣтителѣ. Приступая къ изданію „Науки“ въ 1892 году, по кончинѣ о. Іоанна, редакторъ въ обращеніи къ своимъ читателямъ такъ трогательно и вмѣстѣ признательно вспоминаетъ о немъ: „Не стало намъ нашего просвѣтителя оца Ивана, не пишетъ уже его золотое перо, сырая земля покрыла на вѣки его тлѣнныя останки, но его духъ живетъ между нами, согрѣваетъ насъ къ братней любви и неусыному труду, и не забыть его заветныя слова: „Молись,

1) Четыре путеvodителя доброй жизни: страхъ Божій, мудрость, трезвость, трудъ. 2) Псалтырникъ, 3) Сироты, 4) Заветныя три липы—всѣ эти повѣсти, въ переложеніи А. Давидовича, недавно вышли въ общедоступномъ и весьма полезномъ изданіи для народа: «Приходская бібліотека», подъ ред. В. И. Шемякина, отдѣльными книжками (по 20 к.); далѣе—5) о. Ѳеодоръ—сельскохозяйственныя бесѣды, (Кіевъ, 1888 годъ, ц. 40 к.), 6) Заветныя тополи (тамъ же, ц. 10 к.), 7) Степанъ Сторазумовъ (у Іогансона въ Кіевѣ, ц. 15 к.), 8) Какъ въ простотѣ люди живутъ (у Тузова въ С.-Петербургѣ, ц. 50 к.); всѣ эти книжки какъ нельзя болѣе пригодны для народнаго чтенія по ихъ назидательности и занимательности.

Содержаніе всѣхъ повѣстей Наумовича заимствовано изъ галицко-русской жизни, прошлой и современной. Чуждый современнаго беллетристическаго реализма, авторъ по своимъ симпатіямъ и направленію примыкаетъ ближе къ такъ называемой романтической школѣ въ поэзіи—отчасти и по времени, въ которое началъ онъ писать ихъ—еще съ 50-хъ годовъ, когда было господствующимъ это направленіе во всѣхъ славянскихъ литературахъ, —отчасти, и главнѣйше, —по самымъ свойствамъ его души, отъ природы мягкой, чувствительной, склонной къ созерцанію и впечатлительной. Элементъ трогательный, чувствительный во всѣхъ повѣстяхъ является преобладающимъ. Всѣ его рассказы проникнуты глубокимъ сочувствіемъ

трудись, учись, трезвись“. Они суть и будутъ намъ путеvodною звѣздой якъ долго Всевышній подастъ намъ силы служить русскому народу... Неопытна и неумѣла наша рука и блекнетъ наше скромное слово передъ чудными науками нашего просвѣтителя, но мы будемъ писать такъ, якъ прикажетъ намъ наша совѣсть, наше русское сердце и добро той святой матери, которая дала намъ гордое имя „Русскій“!... Помни русскій народъ всегда святыя слова нашего просвѣтителя Ивана, иди указанною нимъ дорогою, а твой трудъ будетъ наилучшимъ памятникомъ на его могилѣ... Въ тѣхъ четырехъ словахъ заключается и вся программа „Науки“. Двадцать лѣтъ она вѣрно служитъ народу и мы останемся при нашемъ старомъ прапорѣ“ („Наука“ 1892 г., № 1, стр. 2—3). Изъ этой выдержки можно познаться и съ языкомъ нынѣшней «Науки».

къ меньшей братіи, горячею любовью къ народу, сочувствіемъ къ его вѣковымъ страданіямъ подъ иноплемннымъ гнетомъ, глубокою вѣрою въ Промыслъ Божій и открывающею надеждою на лучшія времена—свободы и независимости. Сюжеты его повѣстей всегда чрезвычайно занимательны, изображенія дѣйствующихъ лицъ—очерчены рѣзкими и явственными чертами, завязки хотя нѣсколько искусственны и случайны, а развязки—иногда столь же неожиданны, но всегда направлены къ цѣлямъ назиданія и поученія. Поезія Наумовича—*дидактическая* по преимуществу, и для простаго народа, едва овладѣвшаго грамотностью, она какъ нельзя болѣе пригодна для проведенія въ его сознаніе идей добра и правды, любви къ родинѣ и ея благу, любви и привязанности къ Церкви и до вѣрчиваго подчиненія водительство ея пастырей, терпѣнія невзгодъ во времена трудныя, надежды на лучшее будущее. Форма повѣствовательная даетъ писателю широкій и удобный просторъ говорить съ народомъ и о томъ, что по мѣстнымъ условіямъ и обстоятельствамъ галицко-русской общественно-политической жизни было бы неудобно или даже невозможно провести въ народное сознаніе инымъ путемъ. Ничего, однако, нѣтъ въ повѣстяхъ Наумовича страстнаго и возбужденнаго, ожесточающаго или ожесточеннаго: его наміренія чисты и возвышенны, цѣли открыты и благородны, средства мирны и законны. Рассказываетъ ли онъ приключенія изъ времени польскихъ конфедерацій, или крѣпостнаго права, гайдамачины, польскихъ возстаній—ездѣ у него на первомъ планѣ русскій народъ, съ его страданіями и бѣдствіями, руководимый своими пастырями и выходящій изъ затрудненій лишь силою вѣры, надежды и любви христіанской. Правда, желая какъ можно явственнѣе изобразить и впечатлительнѣе внушить простому народу его вѣковую отдѣленность отъ сосѣдняго, злоупотребляющаго правомъ сильнаго, народа польскаго, бытописатель не стѣсняется въ своихъ разсказахъ изъ временъ минувшихъ изображать иногда яркими, мрачными красками разные виды жестокостей и насилій, поруганія надъ

народными русскими святынями, но эта правдивая историческая быль не смутить и не ожесточить народъ, а только возгрѣеть въ немъ чувство горячей любви къ родинѣ. Въ этомъ отношеніи историческія повѣсти Наумовича—самые живые и назидательные уроки исторіи многострадальнаго его народа, лучшее средство поддержанія и возбужденія его патріотическаго духа. Повѣствовательною формою о. Іоаннъ пользуется и для наставленія народа въ добродѣтельную жизнь, для наученія его всему тому доброму и полезному въ сельскомъ быту, чему онъ училъ свою паству живымъ словомъ и примѣромъ. «Повѣсти» его открыли ему только несравненно болѣе обширную аудиторію—весь галицко-русскій народъ, и дали ему возможность расширить свое просвѣтительное вліяніе. Почти во всѣхъ повѣстяхъ его—во главѣ дѣйствующихъ лицъ стоитъ священникъ, идеальный пастырь, живущій одною съ народомъ жизнью, его пѣстунъ и руководитель, печальникъ и защитникъ. Устами пастырей авторъ поучаетъ народъ благочестію, трезвости, бережливости, рачительности въ хозяйствѣ, домоводству, пчеловодству, садоводству, огородничеству, изображаетъ трогательныя и поучительныя сцены довѣрчивости и преданности поселянъ къ своимъ руководителямъ; мирную сельскую трудовую жизнь, съ ея радостями и тревогами, вблизи къ природѣ съ ея красотами и бодрящею свѣжестью, особенно хорошо и тепло умѣетъ изображать авторъ, пользуясь каждымъ случаемъ, чтобы внушить народу привязанность къ землѣ и благодатному земледѣльческому труду. Радости счастливой семейной жизни находятъ въ немъ рѣдкаго по искренности повѣствователя. Особенно же любимая его среда—сельское духовенство съ его бытомъ, съ его широкимъ гостепріимствомъ, тѣсными родственными связями до отдаленныхъ степеней родства, съ его радостями и печальми. Читатель, знакомый съ бытомъ нашего духовенства, находитъ въ повѣстяхъ о. Наумовича нѣчто ему родное и близкое, знакомое, при всѣхъ разностяхъ въ бытѣ, обусловленныхъ воспитаніемъ и чуждыми вліяніями, и ни

откуда лучше не узнаетъ онъ, какъ изъ этихъ повѣстей, житія-бытїя русскихъ священниковъ въ Галиціи, равно и быта крестьянъ. Въ этомъ отношеніи его повѣсти имѣютъ и важное этнографическое значеніе.

«Наука» представила для о. Наумовича, какъ мы сказали, удобнѣйшее средство къ распространенію въ народѣ трезвости, бережливости, сельско-хозяйственныхъ знаній: садоводства, огородничества и пчеловодства, улучшеннаго скотоводства и домоводства. Статьи по всѣмъ этимъ отдѣламъ большею частію составлялись самимъ о. Іоанномъ и читались народомъ съ живѣйшимъ интересомъ и несомнѣнною пользою, въ которой онъ имѣлъ утѣшеніе лично убѣждаться изъ обширной переписки, завязавшейся между издателемъ редакторомъ «Науки» и его земляками, большею частію крестьянами. Эта сторона литературной дѣятельности Наумовича также имѣетъ весьма важное значеніе и оцѣнивается на его родинѣ даже выше всего, что имъ было писано для народа.

Кромѣ личнаго писательства, о. Наумовичъ оказалъ галицко-русской литературѣ незабвенную услугу и тѣмъ, что вмѣстѣ съ другими патріотами положилъ основаніе просвѣтительному «Обществу имени М. Качковскаго», въ основу дѣятельности котораго положены тѣ же начала, которыми руководился въ своей пастырской и писательской дѣятельности о. Іоаннъ. Общество это усвоило въ своихъ изданіяхъ тотъ же литературный языкъ, какимъ писалась «Наука», хотя не съ тѣмъ же талантомъ, и успѣшно развило и продолжаетъ дѣло о. Іоанна, устраивая повсемѣстно читальни и общества трезвости и распространяя въ народѣ во множествѣ свои дешевыя изданія для народа. Ничего подобнаго этимъ изданіямъ наши книгоиздательскія общества къ сожалѣнію не представляютъ.

Нельзя не удивляться плодовитости и неутомимости о. Наумовича въ писательскихъ трудахъ, особенно при тѣхъ трудныхъ внѣшнихъ условіяхъ, въ какихъ протекало его служеніе. Въ приходской жизни на каждомъ шагѣ ему поставляемы были затрудненія и препятствія—и отъ мѣст-

ныхъ польскихъ помѣщиковъ, которымъ и доселѣ принадлежитъ средневѣковое право «презенты» или поставленія священника на приходъ въ ихъ помѣстьяхъ, и отъ арендаторовъ, и шинкарей евреевъ, и отъ низшихъ полицейскихъ агентовъ, и даже отъ своихъ духовныхъ униатскихъ властей, изъ малодушія и раболѣпства предъ польскою вліятельною шляхтою и иезуитами боявшихся взять подъ свою защиту и покровительство учителяго пастыря. Клевета, доносы, подозрѣнія преслѣдовали его повсюду, и недаромъ пришлось ему переимѣнить пять приходовъ, каждый разъ вновь обзаводиться хозяйствомъ, начинать дѣло снова и воспитывать своихъ прихожанъ. Только въ послѣднемъ мѣстѣ своей пастырской дѣятельности, въ Скалатѣ, онъ имѣлъ очень хорошій приходъ, расположенный по близости къ нашей границѣ, въ весьма плодородной мѣстности, гдѣ народъ живетъ въ сравнительномъ довольствіи и отличается преданностью Церкви и почетомъ русскаго духа. Здѣсь о. Іоаннъ нашелъ нѣкоторое отдохновеніе отъ постоянныхъ перекочевокъ и соединеннаго съ ними безпокойства, еще съ большимъ рвеніемъ занялся сельскимъ хозяйствомъ и усиленными литературными трудами. Но здѣсь положенъ былъ неожиданно и конецъ его просвѣтительнымъ трудамъ на пользу родины. Осенью 1881 года, по доносамъ слѣдившихъ за каждымъ его шагомъ польскихъ иезуитовъ и своихъ измѣнниковъ-ренегатовъ, онъ привлеченъ былъ вмѣстѣ со всѣми выдающимися галицко-русскими патріотами къ суду по обвиненію въ мнимой государственной измѣнѣ. Чудовищный политическій процессъ окончился лѣтомъ 1882 года присужденіемъ Наумовича судомъ присяжныхъ изъ поляковъ и евреевъ къ 8-ми мѣсячному тюремному заключенію, сверхъ 6-ти мѣсячнаго предварительнаго заключенія во время слѣдствія и процесса. Поводомъ къ этому злосчастному процессу, лежащему мрачнымъ пятномъ на австрійско-польскомъ правосудіи, послужилъ переходъ изъ уни въ православіе крестьянъ изъ деревни Малыя Гнилички, неподалеку отъ Скалата... Этому было довольно, чтобы взвести на Наумо-

вича обвиненіе въ заговорѣ, направленномъ не только къ совращенію всей Галицкой Руси изъ униі въ православіе, но и къ насильственному отторженію Галиціи отъ Австріи и присоединенію ея къ Россіи.

Пишущему эти строки привелось быть въ Галиціи какъ разъ въ ту осень 1881 года, когда воздвигнуто было гоненіе на о. Іоанна, лично съ нимъ познакомиться въ г. Львовѣ во время годоваго собранія Общества Качковского въ русскомъ Народномъ Домѣ и видѣть во очію то обаяніе, какимъ пользовался отецъ Іоаннъ у своихъ земляковъ. Особенно поразила меня тогда внѣшняя величавая его фигура: сѣдовласый, высокаго роста, съ умнымъ и добрымъ лицомъ, благодушный маститый старецъ—священникъ къ удивленію моему единственный изъ всѣхъ видѣнныхъ мною русскихъ униатскихъ священниковъ, обыкновенно бритыхъ, носилъ бороду и расу и тѣмъ производилъ впечатлѣніе православнаго священника. Эта борода и раса и многое другое, что сближало его и его приходскій храмъ съ «схизматиками», т. е. православными, были бѣломомъ на глазу у враговъ русскаго народа и зачтены были ему въ вину на ряду съ разными доносами о какихъ то неосторожныхъ его отзывкахъ о папствѣ и униі, католицизмѣ и православіи. «Тяготѣніе» къ Россіи въ мысляхъ и чувствахъ—вотъ главная его вина, за которую ему пришлось такъ жестоко пострадать.

Послѣдующія обстоятельства жизни о. Іоанна болѣе или менѣе извѣстны. Отлученный папою Львомъ XIII отъ Церкви за приверженность къ схизмѣ, не смотря на основательную и горячую «апелляцію», лишенный сана и прихода, преслѣдуемый польско-іезуитскими кознями, І. Г. Наумовичъ рѣшился искать душевнаго мира въ лонѣ Церкви православной. Будучи въ душѣ уже давно православнымъ, о. Іоаннъ 6 октября 1885 г. присоединенъ былъ къ православію въ Львовской православной Церкви и съ тѣмъ вмѣстѣ принужденъ былъ положить предѣлъ своимъ многолѣтнимъ трудамъ на своей родинѣ, такъ какъ оставаться ему въ Галиціи было уже немислимо.

Переселившись съ семействомъ на всегда въ Россію и принятый у насъ съ любовью и почтеніемъ къ его славнымъ заслугамъ для своей родины и косвенно для всего русскаго народа, обласканный всѣми, кто умѣлъ цѣнить его многоплодное и вмѣстѣ тернистое прошлое, возведенный въ санъ протоіерея Кіевскимъ владыкою, митрополитомъ Платономъ, знавшимъ и любившимъ маститаго пастыря, о. Іоаннъ, на старости лѣтъ, долженъ былъ приспособляться къ новымъ условіямъ жизни и быта, войти въ новую непривычную колею жизни, что не легко достается и зауряднымъ людямъ и не въ такомъ уже почтенномъ возрастѣ, когда естественнѣе было бы желать и ожидать постѣ столькихъ злосключеній мира и покоя отъ трудовъ праведныхъ. И видно было, что такое приспособленіе было не легко для почтеннаго труженика на закатѣ дней его. Не находилъ онъ полного себѣ удовлетворенія ни въ дѣятельности Кіевскаго епархіальнаго миссіонера, ни въ трудахъ приходскаго пастыря въ селѣ Борцаговкѣ подъ Кіевомъ, ни въ широкомъ просторѣ писательства для всего великаго народа русскаго. Правда, его опытное перо дало и здѣсь рядъ новыхъ и высоко-полезныхъ трудовъ: имъ составленъ «Православный Народный Календарь» на 1890 и 1891 годы, изданный при Синодальныхъ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ», прекрасная «Книга для чтенія о сельскомъ хозяйствѣ», рядъ общепользныхъ статей въ тѣхъ же «Церковныхъ Вѣдомостяхъ», — и этими изданиями онъ принесъ немалую пользу своему новому отечеству. Но для тѣхъ, кто знакомъ съ его «Наукой» и галицкими его изданиями, видно было, что оторванный отъ родной почвы, создавшей его писательскій талантъ, онъ не чувствовалъ уже въ себѣ прежней силы творчества, что ему гораздо труднѣе было и требовало напряженія и усилій писать на обще-русскомъ литературномъ языкѣ для нашего народа и съ иными запросами жизни и съ иной подготовкой. Видимо, его художественный высокій даръ требовалъ соотвѣтственнаго выраженія — обычной ему рѣчи и формы, въ которыя такъ прекрасно отливались его задушевные мысли въ га-

лицко-русскихъ повѣстяхъ и разсказахъ, мѣстный колоритъ которыхъ такъ много утрачивалъ въ своихъ тонахъ и штрихахъ даже въ самомъ лучшемъ переложеніи ихъ на обще-русскій литературный языкъ. Неудивительно поэтому, что какъ истинный художникъ слова, онъ не удовлетворялся своими позднѣйшими писаніями на рускомъ литературномъ языкѣ, хотя и владѣлъ имъ въ достаточной степени — но уже не для художественной прозы или поэзіи. Тѣмъ не менѣе, нельзя не скорбѣть, что слишкомъ недолгое время имѣли мы въ своей средѣ этого неутомимаго работника и заботника о пользахъ и нуждахъ народныхъ. Много было у него намѣчено плановъ и предположеній на счетъ дальнѣйшихъ трудовъ литературныхъ, но не суждено было имъ осуществиться.

И въ новомъ своемъ отечествѣ о. протоіерей Наумовичъ не переставалъ заботиться и живо интересоваться галицко-русскими дѣлами, продолжая писать въ «Наука» и «Галицкой Руси» до послѣднихъ дней своей жизни. По замѣчанію одного изъ близко знавшихъ его лицъ (А. С. Будиловича), «въ его головѣ возникали все новыя и новыя проекты, его манили къ себѣ новыя горизонты благодатнаго юга, сибиря Крымъ, грезились галицкія колоніи подлѣ Кавказомъ и еще многое другое, отрадное и для Галича, и для Россіи и для всего Славянства», пока неожиданная кончина его, послѣдовавшая 4 августа 1891 г. въ гор. Новороссійскѣ на обратномъ пути изъ поѣздки на Кавказъ по дѣлу той же колонизаціи его земляковъ, не прервала нить его 65-лѣтней жизни, всецѣло посвященной трудамъ и заботамъ на благо дорогой родины.

Высоко-даровитый народный писатель, пастьеръ добрый, образецъ для вѣрныхъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою (1 Тим. 4, 12), образцовый семьянинъ и домохозяинъ, самоотверженный патріотъ и изгнанникъ правды ради, воистинну «просвѣтитель Галицкой Руси», отецъ Іоаннъ Наумовичъ снискалъ себѣ многотрудною и многоплодною жизнію своею вѣчную о себѣ признательную память въ потомствѣ. Не суждено было ему

узрѣть лучшихъ дней для своей много-страдальной родины, и Богъ вѣсть когда они наступятъ, но мы вѣримъ и надѣемся, что посѣянное имъ сѣмя добра и правды въ народѣ возраститъ великій плодъ, — плоды эти уже зрѣютъ и спѣютъ, и когда настанетъ время жатвы, когда возсіяетъ солнце свободы надъ бѣдными хижинами рускаго Прикарпатья, просвѣтленный и наученный «отцомъ Иваномъ» галицко-русскій народъ со слезами благодарности вспомнитъ своего просвѣтителя и съ молитвою о немъ сознательно скажетъ:

Гдѣнъ твое дѣло и любовь,
и служба, и крѣсть, и терпѣніе
твое, и дѣла твоя —

и не заростетъ тропа народная къ его памятнику на Аскольдовой могилѣ.

И. Соколовъ.

Извѣстія и замѣтки.

Храмъ С.-Петербургскаго епархіальнаго братства Пресвятыя Богородицы.

С.-Петербургское епархіальное братство Пресвятыя Богородицы имѣетъ въ столицѣ храмъ на Боровой улицѣ, за Обводнымъ каналомъ. Храмъ каменный, двухъ-этажный, красивой архитектуры, въ русско-византійскомъ стилѣ. Построенъ онъ почти исключительно на частныя пожертвованія и стоитъ около 100 тысячъ рублей. Это свидѣтельствуешь о достаточномъ сочувствіи мѣстнаго населенія цѣлямъ братства и вообще о любви его къ православнымъ храмамъ. Самая постройка храма съ внутренней и внѣшней отдѣлкой длилась около 5 лѣтъ.

Въ январѣ 1889 г. послѣдовало заявленіе домовладѣльцевъ, фабрикантовъ, рабочихъ и жителей мѣстности по Обводному каналу и Боровой улицѣ — о желаніи устроить на Боровой улицѣ храмъ, съ помѣщеніями для религіозно-нравственныхъ бесѣдъ и для церковно-приходской школы, и притомъ съ тѣмъ, чтобы храмъ этотъ былъ во владѣніи и вѣдѣніи брат-